

DOI: 10.15372/HSS20160402
УДК 94(470+571.52)"17/18"

А.А. САМДАН

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В ТУВЕ В ПЕРИОД ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований,
РФ, 667000, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4

Как известно, после вхождения Тувы в состав Цинской империи были введены разные виды налогообложения с населения. В статье на основе архивных источников предпринимается попытка систематизации разных налогов, собираемых с тувинских хошунов. Показано, что в результате непосильного размера налога, натурального и долгового характера торговли, навязанного русскими и китайскими купцами, социально-экономическое положение Тувы значительно ухудшилось. Прямой налог выплачивался пушниной и составлял три соболя с одного двора. Хотя в Туве было запрещено торговать пушниной, но спекуляция российских и китайских торговцев привела к повышению цены на нее более чем в 8 раз. Помимо прямого налога тувинские араты несли уртонную, пограничную, воинскую и административную повинности. Для военных нужд цинские власти также использовали людские и материальные ресурсы Тувы.

Ключевые слова: налог, пушнина, повинности, Маньчжурская империя, тувинские хошуны, караулы.

A.A. SAMDAN

THE TAXATION IN TUVA IN THE PERIOD OF CH'ING EMPIRE

History of the Tuvan Institute for Humanities,
4, Kochetova Str., Kyzyl, Republic of Tuva, 667000, Russia

This article based on the archival sources attempts at systematization of various kinds of taxes collected from *khoshuns* of Tuva in the period of Ch'ing empire. The main unit of direct tax (*alban*) was in the form of sable furs. This tax equaled three sable furs from each *orege* (household). Extermination of fur-bearing animals and penetration of Russian and Chinese commercial capital into Tuva led to increase in fur prices and impoverishment of the population of Tuva. *Undurug* was another kind of tax. Its rate was established in accordance with the "Code of Chinese Chamber of External Relations" and it had to be paid in the form of domestic animals. *Undurug* was used to pay salaries to officials and for various economic needs. Military duty seemed to be the most burdensome because it involved labor and financial resources. According to the "Code", "military lists" were made once in every three years and men from 18 to 60 years of age had to take part in the annual military call-ups. In doing so, they had to provide themselves with the ammunition, two replacement horses and foodstuffs. In addition, guard duty on the borders of Tuva and *urton* duty (maintenance of messenger service) lay as a heavy burden on *arats* (poor herdsmen). *Urtons* had a military organization and Tuvan *khoshuns* had to pay salaries to the officials and maintain *urtons*. According to the "Code", once in every three years the Tuvan *khoshuns* had to perform administrative services and other duties in the headquarters of Uliasutai *tszyan-tszyun* and *ambyn-noyon* of Tuva, in the offices of the governors of *khoshuns* and *sumons*. Thus, Tuvans had to pay various kinds of taxes and perform various duties in the period of Ch'ing empire. Penetration of the Russian and Chinese commercial capital, barter and usurious character of trade imposed by the Russian and Chinese merchants considerably aggravated the difficult socio-economic situation as it was in Tuva.

Key words: tax, furs, duty, Manchurian Empire, Tuvan *khoshuns*, guards.

После вхождения Тувы в состав Цинской империи в первой половине XVIII в. круг повинностей тувинцев расширился, а именно: 1) албан – государственная подать, прямой налог в виде пушнины; 2) ундуруг – повинность, связанная с местным налогом (исчислялась

скотом); 3) воинские, караульные, уртонные, административные, трудовые, продуктовые и др.

Маньчжурские власти официально установили постоянный размер пушного налога, собираемого с тувинского населения. По утверждению многих исследова-

Аяна Анай-ооловна Самдан – канд. ист. наук, заведующий сектором истории, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.

Ayana A. Samdan – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History of the Tuvan Institute for Humanities.

дователей, всего было определено 3000 податных юрт (*өреге*). Эта цифра оставалась постоянной, поскольку число налогоплательщиков условно считалась неизменным. В податное население входили лица муж. пола от 16 до 60 лет.

Изначально было установлено собирать по пять соболей с каждой юрты. Но уже в 1727 г. размер налога был уменьшен до трех соболей. Уплата налога регулировалась законами Маньчжурской империи и за несвоевременную и неполную уплату налога следовали суровые наказания и штрафы.

В единичных случаях, если имелось на это разрешение улясуйтайского *цзянь-цзюня*¹, разрешалось вносить вместо соболей другую пушнину. А.В. Адрианов, Г.Е. Грумм-Гржимайло отмечали, что «одна шкура соболя приравнивалась к 40 шкурам белок; шкуры барса, рыси и выдры – к трем соболям; волка, лисы и росомахи – половине соболя; куницы – в четверть соболя» [1, с. 627]. В архивных источниках имеется и другой расклад: одна шкура соболя приравнивалась к шкуре одной выдры или трем шкурам рыси, или двум шкурам лисицы, или же 40 шкурам белок. Вышеперечисленные пушные звери считались албанными, их строго запрещалось продавать и покупать.

С целью обеспечения установленной нормы «дани пушнинной» в 1788 г. *амбын-нойон*² Тувы Даши издал приказ, в котором строго запрещалось покупать и продавать пушнину, торговать в кредит, давать в долг. Ответственность за соблюдение данного указа Даши возложил на всех чиновников тувинских *сумонов*³, от десятника до *чангы*⁴. От уплаты албана были освобождены бедные и старики, но они должны были выполнять трудовые повинности.

Кроме того, в пушной налог включались разные надбавки на расходы, связанные как с самим сбором налога, так и с доставкой его улясуйтайскому⁵ наместнику.

Ежегодно в период промысла правители хошунов организовывали охоту. «По окончании же промысла, приступают к разобранию всех добытых каждой ротою собольих шкурок и записывают, сколько из оных какой доброты и сколько всех вообще» [2, с. 207]. При приеме пушнины шкуры тщательным образом сортировались и на каждой из них ставилось клеймо. Составлялся список, и в случае, если шкуру при сдаче отбракуют, то по нему можно было восстановить налогоплательщика и обязать его возместить брак.

Позднее, после проникновения в Туву русского и китайского торгового капитала, уменьшения лова

зверей прямой налог, помимо замены соболя на другие виды пушнины, разрешалось уплатить домашним скотом. Но здесь не было принято единой системы мер, что давало возможность сборщикам налогов повышать размеры самих налогов и надбавок к ним, а также совершать поборы с населения в свою личную пользу.

Чтобы вовремя и в должном количестве сдать албан, зачастую правители *хошунов*⁶ вынуждены были брать под большие проценты пушнину, деньги у китайских и русских торговцев, что привело к резкому скачку цен на пушнину. Так, в 1860 г. правитель Хемчикского хошуна Очур должен был выплатить всего 1000 шкур белки, 500 овец, 446 голов крупного рогатого скота⁷. В 1881–1886 гг. Хемчикский и Бээзи хошуны были должны 2964 *лан*⁸ серебра. Каждый год на эту сумму начислялись проценты – более 1000 *лан* серебра⁹. В 1894 г. один Хемчикский хошун задолжал китайскому торговцу более 8000 *лан* серебра¹⁰. По данным П.Е. Островских, только в 1896 г. у русских купцов было приобретено тувинцами для уплаты албана 726 *рысей*, 240 соболей, 20 бобров, 179 *выдр* и 16 947 *белок* (цит. по: [3, с. 218]).

По данным видного исследователя истории Сибири В.И. Дулова, за полвека цена на пушнину повысилась более чем в 8 раз, или с 54 до 450 тыс. руб. [3, с. 220]. Например, если в 1870-х гг. соболь стоил 6 руб., а белка – 10 коп., то в 1913–1914 гг. цена на соболя поднялась до 50–53 руб., а на белку – до 40–42 коп. Шкуру одного соболя можно было купить почти за 7 годовалых бычков. В.И. Дулов повышение цены на пушнину связывал «с ростом вывоза пушнины из Тувы и с уменьшением пушного зверя из-за его хищнического истребления» [3, с. 219].

Постоянно – два раза в год (весной и осенью) – правители хошунов приезжали на съезд (*чыыш*), где распределялся албан, имевшийся долг по хошунам и где можно было сдать собранный ими налог. Чыыш продолжался 3–10 дней, расходы (юрты, провизия, подводы) также собирали с *аратов*¹¹. Чиновники управления амбын-нойона тщательно проверяли албан и снова все сверяли. Затем весь налог заносился в список и в сопровождении чиновников доставлялся в Улясуйтай. При этом чиновники должны были иметь при себе «надлежащее свидетельство» и быть включенными в «особенный список» с указанием чина, возраста и т.д. Если же среди сопровождающих лиц находились люди, которые не были включены в список и «сами не состоят еще ни в какой степени», то, согласно Уложению, «главноначальствующих князей под теми дивизиями (т.е. хошунами. – А.С.), к которым таковые принадлежат, какой бы они ни были

¹ Цзянь-цзюнь – военный наместник маньчжурского императора в Монголии.

² Амбын-нойон – верховный правитель Тувы в период Цинской империи.

³ Сумон – административно-территориальная единица внутри хошуна.

⁴ Государственный архив Республики Тыва (ГАРТ). Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 9. *Чангы* – правитель сумона.

⁵ Улясуйтай – город западе Монголии, основанный маньчжурами в 1733 г. Являлся резиденцией одного из трех маньчжурских наместников в Халхе.

⁶ Хошун – административно-территориальная единица в Туве. Хошун включал в себя несколько сумонов.

⁷ ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 81. Л. 79.

⁸ Лан – денежная единица и мера веса в Цинской империи, равная 31,25 г серебра.

⁹ ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 107. Л. 30.

¹⁰ Там же. Д. 137. Л. 260.

¹¹ Арат – скотовод-кочевник.

степени, наказывать удержанием жалованья за один год, а помощников главноуправляющих взысканием 5 *девятков*¹² скотин с каждого» [2, с. 204]. Следует отметить, что право сопровождать албан имели только правители хошунов. Лишь в случае болезни или старости они с разрешения амбын-нойона могли отправить кого-либо вместо себя. В случае же, если «не поедет сам, а пошлет под своим именем другого с подносными дарами, такового лишить достоинства и взыскать с него еще 5 девятков скотин пени, а тому, который принял на себя его имя, дать 100 ударов плетью и сверх того доправить с него 3 девятка скотин» [2, с. 205].

Для сбора образовавшегося долга албана приезжали чиновники из ставки улясутайского цзянь-цзюня, и, естественно, все их расходы также легли на тувинские хошуны. В 1889 г. в Туву трижды приезжали чиновники из ставки улясутайского цзянь-цзюня. В один из таких приездов в качестве подарка улясутайскому цзянь-цзюню и его чиновникам амбын-нойон выделил 16 шкур рыси, по 7 соболей и лисицы, 280 шкур белки, чая, разных хадаков и материалов. Затем в пользу амбын-нойона с тувинских хошунов было собрано шкур в 2 раза больше — 32 рыси, по 14 соболей и лисицы, 560 белок, а остальные товары были оценены в 2067 шкур белок. На провизию амбын-нойон собрал 8 волов и 1 корову, на подводы — 10 волов¹³.

Ежегодная сдача албана привела к тому, что целые тувинские хошуны оказывались в огромных долгах. Зачастую податное население не справлялось даже с прямым налогом, поскольку из года в год уменьшалась добыча пушнины и соответственно цена на нее росла, чего не скажешь о цене на домашний скот. Население быстро нищало.

Помимо албана, тувинские араты должны были платить и местный налог — так называемый *ундуруг*, который, как говорилось выше, взимался в основном скотом. Его размер был установлен в Уложении: с 5 голов рогатого скота взимался 1 баран; с 20 овец — 1 баран; с 40 овец — 2, «а более сего не брать, хотя бы кто имел и гораздо большее количество сих животных» [2, с. 132]. Бедные араты не платили данный налог. Позднее скот заменяли рогами оленей, шкурой, шерстью и другими продуктами скотоводства.

Основные расходы собранного ундуруга составляли выплаты жалования чиновникам, служащим канцелярии амбын-нойона, хошунов и *уртонов*¹⁴ на разные канцелярские и хозяйственные товары, а также на содержание уртонов.

Таким образом, албан и другие поборы легли тяжелым грузом на тувинских аратов. Г.П. Сафьянов приводит следующие факты: тувинец, имеющий «200 голов лошадей, 70 голов рогатого скота, 200 овец заплатил в 1898 году по июнь месяц податей и поборов:

600 белок, 5 рысей, 5 соболей, 5 кобыл, 5 баранов, 5 овец и 4 взрослых быка» (цит. по: [4, с. 227–228]). Эти поборы довели народ до обнищания. Как подчеркивал Вс. Родевич, «эти поборы уже несколько лет превосходят прибыль от стад, и сойоты, особенно богатые, постепенно разоряются. Они когда-то были значительными скотоводами по всей Монголии, теперь если у кого сто голов скотины, тот уже выдающийся богач» [5, с. 577].

Поскольку административно-территориальное управление в Цинской империи было военизированным и правящее сословие совмещало гражданскую и военную функции, то араты должны были нести и воинскую повинность.

Согласно Уложению Китайской палаты внешних сношений, один раз в три года составлялись «военные списки» мужского населения, «производя оную эскадронно (по сумонам. — А.С.) с показанием числа семейств самым вернейшим образом» [2, с. 93]. Ежегодно мужчины от 18 до 60 лет проходили военные сборы, имея при этом полное военное снаряжение, двух сменных лошадей и собственную провизию. В мирное время «один из трех должен иметь и носить военную одежду, а в военное время двое из трех отправиться в поход» [2, с. 100]. В случае мобилизации за бегство, несвоевременное прибытие виновные наказывались в зависимости от сословной принадлежности удержанием жалованья, штрафами, ударами плетью до 100 ударов, смертной казнью, снятием с должности.

В 1880 г. по приказу улясутайского цзянь-цзюня из Тувы были мобилизованы 2000 воинов на военную подготовку. Амбын-нойон Олзей-Очур распределил воинскую повинность по следующим пяти хошунам: Тес-Хемский — 400 воинов, Базыр — 400, Майдыр — 400, Хубсугульский — 400 и Тоджинский — 100, Бээзи хошун — 230 и Даа хошун 70¹⁵.

Помимо людских ресурсов немало средств уходило на содержание самих воинов. В 1872 г. амбын-нойон Тувы получил приказ от улясутайского цзянь-цзюня, в котором последний указал, что для отправки в Или¹⁶ войска, подвод, выплаты жалования, строительства дополнительных уртонов необходимо выделить средства. Остро стояла и проблема нехватки провизии войскам и поэтому из Тувы следовало срочно собрать и отправить 10 тыс. овец. Амбын-нойон Олзей-Очур распределил необходимое количество овец по хошунам, но, учитывая последствия падежа скота и бедственное положение аратов, приравнял 10 баранов к одному молодому бычку¹⁷.

В 1874 г. по приказу улясутайского цзянь-цзюня только с хошуна Даа¹⁸ для воинских нужд было собрано 800 голов овец. Скот был распределен между десятью сумонами хошуна, видимо, учитывая плате-

¹² Девяток — основная единица штрафа скотом. В состав одного девятка входили 4 головы крупного рогатого скота и 5 овец, которые в случае необходимости могли заменяться другими видами скота.

¹³ ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 113. Л. 126.

¹⁴ Уртон — почтовая станция в Туве и Монголии.

¹⁵ ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 69. Л. 68.

¹⁶ Или — название реки в Восточном Туркестане.

¹⁷ ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 39. Л. 15.

¹⁸ Даа — название одного из многонаселенного хошуна Тувы.

жеспособность населения. Чангы Балжинмай должен был собрать 350 голов, а чангы Ванчик только 25¹⁹.

Цинские власти для войска закупали скот в Туве. В 1875 г. по приказу улясутайского цзянь-цзюня необходимо было до середины лета доставить в Улясутай 5262 молодых барана. Олзей-Очур, понимая, что такое количество скота невозможно собрать за короткий срок, выделил из своего хозяйства 1500 голов. По настойчивому требованию цзянь-цзюня второй раз удалось собрать еще 2028 голов овец, а в качестве отступных цзянь-цзюнь получил взятку — 20 шкур рыси. Но цзянь-цзюнь вновь настаивал на своем, тогда амбын-нойону к концу года удалось собрать 100 лан и с другими подарками поехать в Улясутай, чтобы получить отсрочку или вовсе не сдавать оставшееся количество скота²⁰.

Зачастую случалось, что цены на скот были значительно ниже рыночных, а иногда его забирали бесплатно. Как писал В.И. Дулов, «в 1911 г. по Салчакскому и Кемчикским хошунам три чиновника собрали 38 лошадей, ничего за них не заплатили, сами же брали с тувинцев по 7 лан в сутки и съедали по одному барану» [3, с. 226].

Таким образом, широкомасштабные военные действия маньчжуров легли тяжким бременем на тувинских аратов, усугубив социально-экономическое положение Тувы.

Еще одной повинностью, которую должны исполнять подданные маньчжурского императора, было несение **пограничной повинности**. После заключения в 1727 г. Буринского трактата между Цинским Китаем и Россией вдоль пограничных линий были установлены гарнизоны-караулы (*хараалы*). Между пограничными пунктами Богсого-даваа (на востоке) и Шабин-даваа (на западе) были расположены 24 пограничных гарнизонов-караула.

К службе пограничных караулов главным образом привлекались араты, которые вместе со своими семьями переезжали на место прохождения службы. В каждом гарнизоне также вместе с семьями проходили службу и цирики (солдаты). Во главе гарнизона обычно ставили маньчжурских офицеров. Если же по каким-либо причинам араты не могли прибыть на место службы в назначенный день, то чангы лишали чина и штрафовали на 3 девятка, *хунду*²¹ — лишали также чина и штрафовали на 2 девятка, а рядовых — 100 ударами плетью [2, с. 69].

К основным функциям пограничных караулов можно отнести следующее: предотвращение бегства за границу; проверка документов и разрешений на пересечение границы, а также досмотр товаров — с целью не допустить контрабанды и т.д. По маньчжурским законам, бегство за границу, оставление постоянного места проживания без разрешительных документов считалось тяжким преступлением и каралось смертной

казню, а «на семьи казненных налагали штраф в размере двух девяток голов скота в пользу маньчжурской казны» [6, с. 197].

Один раз в три года улясутайский цзянь-цзюнь вместе с чиновниками приезжал в Туву, чтобы проверить пограничные знаки. Все расходы, конечно же, несли простые араты. В.И. Дулов приводит следующие сведения: «Для поездки цзянь-цзюня со свитой для осмотра северо-западной границы в 1908 г., продолжавшегося целый месяц, потребовалось 19 980 лошадей, 3870 верблюдов, 5760 проводников (*улаачы*), 1710 юрт, 270 палаток и 2490 баранов» [3, с. 226].

Для проверки пограничных караулов тувинские хошуны должны были выделить на 5 чел. 5 проводников, 9 лошадей, 9 верблюдов, 6 юрт, 3 барана для еды и 14 ямщиков²².

Уртонная повинность. Помимо пограничных караулов в направлениях, имевших военно-административное значение, были созданы дорожно-почтовые станции (уртоны). Последние учреждались для военных целей, поэтому никто не имел права пользоваться почтовыми лошадьми или отправлять частные письма и посылки, кроме как только служебные. В случае использования почтовых лошадей и людей для личных нужд, согласно Уложению, чиновников понижали «двумя степенями, определяли к другой должности, а высших его начальников за слабое смотрение, понизив одним чином, оставляли при прежней должности» [2, с. 56].

Всего на территории Тувы было 9 уртонов. Уртоны должны были доставлять почту, обеспечивать транспортом, проводниками (*улаачы*), ночлегом и провиантом проезжающих чиновников и правительственных гонцов (*элчи*). Расходы, связанные с обслуживанием уртонов, легли на плечи аратов. Последние привлекались к выполнению различных трудовых повинностей: пасли скот, готовили еду, шили одежду и т.д.

Уртоны имели военную организацию, схожую с сумонной, т.е. в каждой станции служили чангы, *бижээчи*²³, *бошка*²⁴, несколько рядовых и проводников. Уложением Китайской палаты внешних сношений регламентировалось, чиновнику какой степени сколько полагается провизии, штат чиновников, количество лошадей, верблюдов, юрт и т.д. Так, высшим чиновникам отпускали 1 барана, 8 чел. свиты, 16 лошадей; полковым адъютантам, поручикам и прапорщикам — по 2 бараньих ноги; унтер-офицерам и рядовым — по 1 ноге, 1 чел. для свиты, 3 лошади [2, с. 32].

Хошуны должны были выплачивать заработную плату чиновникам, а именно: чангы в качестве жалованья получал 60 лан серебра в год, бошка — 36, бижээчи — 27, каждый рядовой — 24 и проводники — 18 [2, с. 18]. Помимо выплаты жалованья требовалось покрывать расходы на канцелярские товары, на сед-

¹⁹ ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 60. Л. 34.

²⁰ Там же. Д. 39. Л. 36, 41; Там же. Д. 41. Л. 72.

²¹ Хунду — помощник правителя сумона.

²² ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 72. Л. 39.

²³ Бижээчи — писарь.

²⁴ Бошка — унтер-офицер.

ла, потники, котлы и другие хозяйственные нужды. По подсчету монгольского историка Ц. Насанбалжира, на содержание одного уртона в течение года необходимо было от 540 до 720 лан серебра. Таким образом, в Туве на все 9 уртонов тратилось до 4860–6480 лан серебра.

В случае, если обедневшие хошуны не были в состоянии нести уртонную повинность, то с 1886 г., следуя приказу амбын-нойона, расходы этого хошуна (в данном случае ухери-да Хишигжаргала) распределялись между остальными хошунами Тувы. Так, хошун ухери-да Дугара должен выплатить 420 шкур белок или деньги²⁵.

О приезде чиновников сообщали нарочными, которые отправлялись заранее. В свою очередь, амбын-нойон, получив известие о составе чиновников, отправлял приказ правителю хошуна, где содержался необходимый перечень. Если же уртоны по разным причинам не могли обеспечивать подводами и продовольствием, то за отказ дать подводы чиновник наказывался одним девятком, продовольствия — взыскивался один бык [2, с. 61].

По данным В.И. Дулова, «в 1900 г. для обслуживания проезжавшего цинского чиновника с его свитой у аратов было взято 286 лошадей, 54 верблюда, 51 юрта, 3 палатки, 300 уздечек, 60 арканов и т.д., причем это только на одной уртельной станции» [3, с. 225–226]. Другой пример: в 1908 г. для приезда амбын-нойона каждый уртон, лежавший «на пути следования амбын-нойона, должен был приготовить 64 слуг (улаачы), 222 лошади, 43 верблюда, 19 юрт, 3 палатки и большое число баранов для пропитания чиновника и его большой свиты» [7, с. 223].

Схожей к уртонной повинностью была **административная служба**. По Уложению Китайской палаты внешних сношений, один раз в три года хошуны должны были нести административную службу в ставках улясутайского цзянь-цзюня, амбын-нойона Тувы и в канцеляриях правителей хошунов и сумонов. Расходы на обслуживание управления улясутайского цзянь-цзюня в год обходились около 2700 лан серебра [8, с. 199]. У нас нет данных о расходах в ставке амбын-нойона Тувы, но можем предположить, что они могут составлять чуть-чуть меньше этой суммы. Как и в уртонной службе, каждый сумон отправлял штат чиновников и служителей (кочага, медээчи, соодал) в ставку амбын-нойона. Как писал Г.Н. Потанин о хубсугульских тувинцах: «...Уин-огурде (правильно: Оюн угер-да. — А.С.) обязан барщиной из трех человек в год, которые и отправляются из хошуна на Самогылтай (правильно — Самагалтай), а через три года сменяются» [9, с. 423].

Административная служба включала разнообразные формы повинностей: трудовую — уход за скотом,

дойка, уборку, приготовление еды и т.д.; транспортную — перевозка чиновников или скота от одного кочевья до другого, доставку документов, писем; общественную — вызов в суд, исполнение судебных решений.

Таким образом, в период вхождения Тувы в состав Цинской империи тувинцы выплачивали множество разного рода податей и несли повинности. Проникновение русского и китайского торгового капитала, навязанный ими натуральный и долговой характер торговли во многом усугубили и без того тяжелое социально-экономическое положение Тувы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край // Урянхай. Тува дептер. М.: Слово, 2007. Т. 2. С. 375–638.
2. Уложение Китайской палаты внешних сношений / пер. С. Липовцева. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1828. 319 с.
3. Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начала XX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 607 с.
4. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Урянхай. Тува дептер. М.: Слово, 2007. Т. 5. С. 202–253.
5. Родевич В.М. Урянхайский край и его обитатели // Урянхай. Тува дептер. М.: Слово, 2007. Т. 3. С. 543–582.
6. История Монгольской Народной Республики. Изд. 2-е. М.: Наука, 1967. 357 с.
7. История Тувы. Новосибирск: Наука, 2001. Т. I. 366 с.
8. Монгол Улсын түүх. Дөтгөөр боть. (XVII–XX зууны эхэн). Улаанбаатар: АМДОН, 2004. 420 с.
9. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. // Урянхай. Тува дептер. М.: Слово, 2007. Т. 2. С. 419–495.

REFERENCES

1. Grum-Grzhimailo G.E. Western Mongolia and Uriankhai Region. *Uriankhai. Tyvadepter*. Moscow, vol. 2, pp. 375–638 (In Russ.)
2. The Code of China Chamber of Foreign Relations. Transl. by S. Lipovtsev. SPb.: Tip. Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 1828, 319 p (In Russ.)
3. Dulov V.I. The socioeconomic history of Tuva (XIX – beginning of XX century.). Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1956, 607 p (In Russ.)
4. Yakovlev E.K. Ethnographic review of foreign population of the Yenisei River's Southern valley. *Uriankhai. Tuva depter*. Moscow, vol. 5, pp. 202–253 (In Russ.)
5. Rodevich V.M. Uryankhai region and its inhabitants. *Uriankhai. Tuva depter*. Moscow, vol. 3, pp. 543–582 (In Russ.)
6. History of the Mongolian People's Republic. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1967, 357 p. (In Russ.)
7. History of Tuva. Novosibirsk: Nauka, 2001, vol. I, 366 p. (In Russ.)
8. History of Mongolia. Ulaanbaatar: АМДОН, 2004, vol. IV: (XVII – early XX century.) 420 p. (In Mong.)
9. Potanin G.N. Essays on Northwestern Mongolia. *Uriankhai. Tuva depter*. Moscow, vol. 2, pp. 419–495 (In Russ.)

Статья принята
редакцией 03.10.2016

²⁵ ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 112. Л. 38.